

Ирина Зимина
Заметки на полях «Газеты»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18401344
ISBN 9785447472832*

Аннотация

Легкая юмористическая повесть о жизни редакции провинциальной газеты и ее главном редакторе 30-летней Зиночке, которой газета заменила все – секс, наркотики и бардовскую песню.

Содержание

Пролог	5
1	8
2	11
3	14
4	16
5	19
6	23
Как Тёмина мама ходила в магазин	25
7	27
8	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Заметы на полях «Газеты»

Ирина Зими́на

*Книга эта никому не посвящается
и прототипов у неё никаких нету. Любые совпадения следует
считать
совершенно случайными
и нечеловечески уморительными. Ведь жизнь, может,
и не прекрасна, но удивительно смешна
Автор*

© Ирина Зими́на, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Работа заменяла ей всё – секс, наркотики и бардовскую песню. Зинаида Ивановна приходила на работу даже в выходные дни. Посидев за столом в пустом кабинете, она тяжело вздыхала и отправлялась с сожалением домой.

Зинаидой Ивановной тридцатилетнюю рыжую хрупкую синеглазую Зину звали редко. Лишь проходящие. Сослуживцы – разве в шутку. Звали же всегда Зинойчкой. Она любила танцевать, овсяное печенье и молоденьких мальчиков. В еженедельной «Газете», где Зинойчка служила ответсексом, молоденькие мальчики были...

Штат газеты был небольшим, но очень неординарным. Казалось, что его собирал сумасшедший, упорно избегая всякой логики. Чего стоила одна только Лида – тридцатилетняя блондинка Лидия с фигурой манекенщицы, взглядом ангела и хваткой умирающего леопарда. Ах, Лида! По Лиде вздыхали все мужчины огромного, только что отстроенного Дворца культуры, где и размещалась редакция «Газеты». Но Лиде было некогда. И когда глаза мужчин туманились, а сердца учащённо бились, Лида, не замечая никого и ничего вокруг, спешила то в бухгалтерию сдавать деньги, то на встречу с очередным совершенно сумасшедшим, нечёрсаным рекламным агентом.

Лида была администратором. Кто придумал такую бредовую должность в газете, было совершенно неясно, но должность была, и Лида волокла на себе обязанности менеджера по рекламе, менеджера по распространению, бухгалтерию, документацию, и еще целый воз обязанностей волокла на себе Лида.

Лида трудилась. Лида пахала, как ломовая лошадь. Но никто из руководства этого не ценил. И даже скорее наоборот. Словом, Лиду клевали. Её клевал шеф – генеральный директор Дворца молодёжи, являющийся одновременно еще и главным редактором «Газеты», Станислав Алексеевич Нипихалин, сильно пьющий, но почему-то так и не спившийся окончательно, исключенный шестидесятипятилетний гений, и его любовница, заместитель редактора газеты по совместительству, пустая и амбициозная, совсем невоспитанная Карина. Ах, пардон, Карина Витальевна. И коллектив всего Дворца недоумевал по этому поводу, хотя ведь абсолютно ясно, что в любой конторе должен быть козёл отпущения. Руководство хотело, чтобы таким козлом стала Лида. Вернее, козой. (Прости мне, Лида, прости...). Лида сопротивлялась, но администрация надеялась сломить её дух. Больше всех об этом мечталось Карине Витальевне.

Карине Витальевне шёл двадцать первый год. У нее был плоский зад, золотые браслеты и привычка часто облизывать губы. Это не выглядело эротично. Карина Витальевна не любила своего шефа. Ни как мужчину, ни как руководителя, ни как гения. Но ей очень хотелось иметь отдельный кабинет, серебряную табличку на двери с надписью «Заместитель главного редактора», почёт и уважение. Два первых пункта у неё уже были. Два вторых ей не грозили никогда.

Карина Витальевна совершенно не разбиралась в том, чем она непосредственно занималась – в газетном деле. Более того, она даже не силилась разобраться. К тому же, отдельный кабинет у неё всё равно уже был. Самое поразительное было в том, что в Карине Витальевне чудесным образом переплетались отсутствия двух талантов – таланта руководителя и таланта человечности. Эта хамоватая, избалованная мадмуазель, похоже, умела в жизни только одно, да и то, судя по выражению лица шефа по утрам, не особо хорошо...

Но замгендира существовала, как существует старая болючая мозоль на большом пальце левой ноги, натёртая любимыми перламутровыми туфлями – туфли выбросить жалко, а мозоль беспокоит!

Карину Витальевну не любили. Её жестоко не любили все обитатели Дворца молодежи – и театралы, и хоровики, и газетчики. Но больше всех её не любила Анна.

Анна была женщиной бывалой, но не злой. Она работала в газете верстальщицей, дизайнером и бывшим козлом отпущения. Ее уже «отпустили» с этого места, благополучно заменив объект клеветания. Но в памяти, туманной и холодной, как колючая проволока, ещё жил ледяной ужас загнанного зверя.

Волосы на голове Анны жили совсем отдельной, своей беспорядочной жизнью. Когда Анна прикасалась к ним руками, казалось, волосы крайне возмущены. Анна любила русский мат, фенечки и жить не могла без мяса. Её движения были медленными, неуверенными и неправдоподобными. Когда Анна смеялась, театралы на третьем этаже испуганно затаили. Когда Анна курила, пожарный инспектор Дворца культуры пила валерианку и плакала. Анне было за тридцать. В жизни у неё было уже всё – крутые разборки, муж-уголовник, две машины и разочарование. Осталось лишь последнее. Зато в очень большом количестве.

Анна работала в одном кабинете с Машей. Маша была наборщицей, пардон, оператором машинного набора. Или компьютерного, как хотите. Маша не курила, не пила, умела очень громко звать сотрудников к телефону и страшно любила сплетничать. Она заходила в редакционную комнату с заговорщеским видом, боком подходила к столу Зиночки и говорила ядовитым голосом:

– Этот-то, представляешь! Опять... – тут она умолкала, и вид её выражал однозначное: это «вааше»!

– Что же, что случилось? – нетерпеливо заглядывала в чистые синие Машины глаза Зиночка. – Не томи, Машенька!

И Маша залпом выдавала очередную местную новость – кто как кому чего сказал и кто как и почему на кого посмотрел. Маруся была доброй двадцатилетней провинциалкой, не совсем адаптировавшейся в городе.

Маша любила Зиночку. Они часами обсуждали мировые новости и местные сплетни. И дела сердешные. Как вы помните, Зинаида любила молоденьких мальчиков. К ним в редакции относились: два Павлика – фотокорр и просто корр; Арнольд – мужчина неопределённого возраста, с неопределённой причёской и подозрительным прикидом (он, как и Анна, занимался вёрсткой «Утра»); и девятнадцатилетний, не в меру талантливый корреспондент Артём. Тёма. Тёмушка... Зиночка дышала неровно именно к нему.

Зинаида не любила Артёма. Вернее, она любила Артёма, но совсем не так, как об этом пишут в романах. Она любила его зло, остро и неожиданно. Зиночка Артёма не любила, но хотела. Артём Зину не хотел, но любил. В общем, они ладили. Их видели вместе в совершенно неожиданных местах – в салонах мужской одежды, на крыше родной конторы, в курилке под лестницей или в ветеринарной поликлинике, где работала Лёля – близкая подруга Зинаиды.

Лёлю любили все. Лёлю невозможно было не любить. Она была добрая, очень добрая тётка с нечеловеческим чувством юмора, тридцатью пятью годами за плечами, двумя детьми и туманным рокерским прошлым.

Лёля пела божественно! Лёля пела так, что её взял замуж самый сексапильный, похожий на француза, преподаватель хирургии сельскохозяйственного института, где Лёля получила специальность ветеринарного врача, коим и являлась на момент повествования. Взял, несмотря на туманное прошлое, предыдущих двух мужей-музыкантов и полное отсутствие причастности к реальной жизни.

Лёля лечила животных. То есть Лёля зверушек мучила, сгорая от неуёмной к ним любви. В её дамской сумочке, похожей на саквояж странствующего доктора-шарлатана, всегда можно было найти нечто, выдающее её принадлежность к специальности ветврача: ампулы, шприцы, фото пони, фото самой Лёли с пони, фото собачек и кошечек с Лёлей или

целлофановый мешочек с дерьмом степного орла, которое Лёля активно использовала в приготовлении лекарственных снадобий.

Иногда Лёля появлялась в редакции с неизменной улыбкой, россыпью шуточек и холщовой сумкой, в которой покоился труп кошки, собаки или обезьяны. Значит, Лёля шла на вскрытие очередного отошедшего с миром зверька. Завидев Лёленьку, Зиночка и Тёма приходили в восторг, шли провожать её до морга, и сумка весело и глухо шлёпала Лёлю по щиколоткам.

Лёля очень любила свою работу. Лёля могла пожертвовать многим – походом в кино, на вечеринку, в гости, на рок-тусовку, ради того, чтобы только сделать очередной укол очередной собачке. Или, на худой конец, почистить ей уши. Собачки это ценили и Лёлю кусали крайне редко. Лёля же собак не кусала вовсе из принципиальных соображений.

Словом, жизнь текла, как полноводная река, иногда выбрасывая на берег что-нибудь неожиданное.

Именно так могла начаться эта интересная, совершенно запутанная, страшно правдивая история. И, боюсь, именно так она и началась. Году то ли в 2002-м, то ли в 2003-м...

1

Ночью к Карине Витальевне пришла жаба. Огромная, холодная и ядовито-зеленая, она давила грудь Карины Витальевны, расплющивая всю её недолгую жизнь. Скрипя зубами и вздрагивая от этого скрипа, Карина вспоминала услышанный днём в конторе разговор Маши и Зиначки, которые, как обычно, обсуждали жизнь редакционную.

– Этот-то, представляешь, опять! – Маша редко была оригинальной.

– Машенька, не томи, рассказывай!

– Сегодня приходил снова к Лиде тот самый поэт-путешественник. Кажется, Сергей. Со своим ноутбуком. Розы ей подарил, коньяком всех угостил. На ужин её звал!

– А она?

– А она только улыбку ему подарила, и тут её в бухгалтерию позвали. А потом – к шефу. А потом – из «Роспечати» позвонили. Короче, как всегда. Но на ужин он её, вроде, уговорил.

– Ой, слушай, такой мужчина видный! Может, Лидке нашей повезёт, наконец? – Зиначка Лиду любила.

– Ага. А розы-то, розы-то какие! Большие, как Анькина голова! Дорогие, поди, как ананасы!

– Ананасы..., – задумчиво повторила Зиначка, – ананасы... Ты анонс на радио отправила, Маша?!

– Господи, забыла совсем! Щас отправлю.

Вот и весь разговор. Ничего особенного, вроде. Только розы эти, «большие, как Анькина голова и дорогие, как ананасы», розы, поднесённые ненавистной суперстройной блондинке, пользующейся бешеным интересом у мужчин, – Лиде неким «видным» интересным мужчиной, жгли Карину Витальевну, как раскалённое железо. Розы жгли, жаба давила, и замученная Карина пыталась выработать план, мгновенно лишаящий Лиду впредь мужчин, цветов и комплиментов и избавляющий несчастную Карину от бессонных ночей и визитов зелёной подружки. Ничего стоящего в голову не приходило, и к утру Карину Витальевну сморил сон, чёрный и скользкий, как резиновый сапог.

Лида спала в эту ночь спокойно. В таких случаях авторы пишут обычно «её белокурые волосы рассыпались по подушке», но ничего подобного не было: Лида собрала свои белокурые волосы китайской резинкой. Так и спала, блаженно улыбаясь, отдыхая от суеты газетной. Ей снились мужчины во фраках, машины с мужчинами во фраках за рулём, брызги шампанского и сама Лида, почему-то в балетной пачке и пуантах, страшно обожаемая всеми этими мужчинами. Под утро приснился лифт, на котором Лида взмывала под самые небеса с Сергеем, тем самым, что принёс розы, отравляющие сон Карины Витальевны.

Проснувшись Лида в хорошем настроении с замечательным аппетитом. На кухне её ждал завтрак, оставшийся от ужина, и сонник, по которому Лида строила всю свою жизнь. Эта затрёпанная, рассыпающаяся в прах книженция торжественно возлежала на самом почётном месте кухни – в хлебнице. Лида любовно смахнула с сонника крошки. Сонник обронил два листка. Лида поднимать не стала: вылетели странички на «ш» и «ч», их Ляля всё равно знала наизусть.

Брызги, машины и фраки растаяли в памяти, а вот лифт каким-то чудом удержался, и Лида возлагала на него большие надежды.

– Лифт, лифт... Где же это, чёрт его подери, – бормотала Лида себе под нос, листая сонник и поедая шестой вареник с творогом, – «и», «к», «л», «ли»... А, вот!

Вещая книга гласила: «Видеть во сне, что Вы поднимаетесь на лифте, означает, что Вы быстро подниметесь до высокого положения и разбогатеете. Но если Вы спускаетесь

на лифте, Вас сокрушат и обескуражат неудачи. Если Вы видите, что лифт, из которого Вы только что вышли, спускается – то это к тому, что Вы еще сможете избежать неприятностей».

– Так, очень хорошо. Совсем же не помню, поднималась я на нём или спускалась? Лифт был – помню. Сергей был – помню. А дальше – глухо, – с сожалением произнесла Лидочка, проглатывая вареник девятый. – Нет, скорее всё же поднималась! Надо верить в хорошее и тогда всё будет хорошо! – Лида была девушкой наивной, но в меру. Только в мелочах.

На шестнадцатом варенике завтрак закончился. За каких-то полтора часа Лида привычно произвела ритуал «мумифицирования» и отправилась на работу. На душе её было легко и спокойно.

Был четверг. Четверг в редакции не любили. В половине одиннадцатого каждый четверг Карина Витальевна в своём отдельном кабинете проводила планёрку. В редакционной комнате, конечно, было бы удобнее – просторнее и вообще, но тогда какой смысл был в отдельном кабинете Карины?

Когда все расселись, тесно прижавшись друг к другу, слово взяла Зинаида:

– Конечно, с каждым номером наша «Газета» становится более интересной, её читают, и тираж растёт. Но до каких пор у нас будут проходить досадные «ляпы»? Карина, в номере, что ты в свет выпускала, когда я на больничном была, прошла фраза: «Исключения будут составлять граждане, имеющие в Эстонии захоронения в виде родственников». Ну, ужас же!

– Ты, Зина, за своими номерами лучше смотри, – парировала Карина Витальевна, – В твоём же номере в прошлую среду прошло письмо читателя Серёгина? Ты его внимательно читала? Хорошо, что мне люди позвонили и подсказали: «За три года существования наша организация стала обрастать членами. Сейчас их насчитывается более трехсот». Базара нет! Красота!

Начиналась обычная редакционная грызня, когда руководство переходит на личности, а рядовые сотрудники начинают дремать.

Но Лида не дремала. Вечером её ждал ужин с Сергеем. Лида волновалась:

«Что надеть? Чёрное платье? Слишком траурно. Серый костюм? Слишком официально. Колготки опять порвались... Господи, мужчины – это всегда так сложно...», – Лида совсем не слушала «разбор полётов», а между тем, страсти накалялись, и в усиливающийся торнадо уже был втянут Павлик – истеричный фотокорр «Газеты»:

– Снимков не было, снимков не было! А где я вам возьму снимки, если денег не даёте?! – Павлик распалялся всё больше, переходя на визг. – И вообще, Карина, перестань на меня орать! Я тебя постарше, во-первых; а во-вторых, снимки я тебе принёс из архива. Ты из них самые плохие выбрала! Хоть бы посоветовалась с кем! Позоришь меня на весь город! Уйду вот вообще на вольные хлеба, будете знать!

«Может, надеть вечернее платье? Скажет, чего так расфуфырилась на домашний ужин? Ногти, блин, в порядок привести ещё надо, лак купить, домой успеть – переодеться», – Лида витала в невысоких облаках.

– Паша, не кричи! – раздражалась Зиночка, нервно встряхивая рыжими кудряшками. – Ты же мужчина! Веди себя прилично, в конце концов!

– Прилично! Конечно! Я, между прочим, тут до семи вечера сижу иногда, сканирую фотки в архив для газеты! Вон, Лида знает! Она тут всегда до восьми, она видела! Правда, Лида?

– Что?.. Я вчера в полдевятого ушла... А что случилось? – Лиду застали врасплох.

Карина Витальевна глубоко вдохнула, сжала под столом пальчики в кулачки и выдохнула:

– Лида, тебе неинтересно то, что мы тут обсуждаем? Тебе безразлична судьба газеты?!

– Мне безразлична судьба газеты, – «тем более что я сама эту судьбу вершу», – мысленно закончила Лида фразу, – я просто не расслышала вопрос.

– Не расслышала, не поняла, не сделала! – Карина раскалялась, как термаспот на сковороде «Тефаль», и так же краснела, вспоминая ночь с жабой на двоих, – Ты совершенно ничего не делаешь! Ты не справляешься со своими обязанностями! Я поставлю вопрос перед шефом о твоём увольнении, о лишении тебя премии, о сокращении твоей должности!

Проснулись все сотрудники и в недоумении взирали на верещавшую Карину и начинающую отходить от растерянности Лиду.

Лида могла постоять за себя. Она была старше Карины, опытнее, раза в три умнее, раза в четыре находчивее и раз в восемьсот лучше разбиралась в работе своей и работе Карины Витальевны. Поэтому она тихо, но твёрдо спросила:

– А нельзя ли выразить претензии поконкретнее?

Карина захлебнулась, поперхнулась, издала звук, похожий на звук испорченного сливочного бачка и потупилась. Но ненадолго. Официальным тоном она вдруг выплюнула:

– Мы поговорим об этом отдельно. Планёрка окончена!

Лида победно улыбнулась. Зиночке, Паше, потом – всем сотрудникам. Взглянула на Карину Витальевну. Глаза Карины горели нехорошим огнем, как будто в туалете коммунальной квартиры кто-то забыл погасить свет. Это значило – быть скандалу. Все поняли, что редакция с этой минуты переходит на военно-осадное положение. Что войне быть, и будет она жестокой. Что Карина Витальевна приложит все усилия, чтобы окончательно изжить Лиду. Что Лида ни за что не позволит сделать это обладательнице серебряной табличке на двери с необоснованно торжественной надписью «Заместитель главного редактора».

Гусяком притихшие сотрудники потянулись кто в редакционную комнату, кто в курилку под лестницу, стреляя на ходу друг у друга сигареты. Зиночка взяла со стола маленькую жёлтую зажигалку, подмигнула Лиде и тоже пошла в курилку, послушать новостей и мнений. Тёма потянулся следом. Маша что-то шептала Арнольду. Арнольд, осыпая Машу перхотью, согласно кивал. Лиду позвали в бухгалтерию и тут же попросили к телефону. Карина Витальевна торжественно прошествовала в кабинет к шефу, бросив взгляд, полный ненависти и испуга на бегущую по коридору Лиду. Война началась.

2

– Представляешь, Лёля, я ему говорю: «Этого, Тёма, я тебе никогда не забуду!». А он мне: «Забудете, Зиночка, вы старенькая!»!

– Засранец! Привет ему, кстати, передай.

– Тёма, тебе от Лёленьки привет, – И в трубку: – Ты зайдешь к нам сегодня, Лёля?

Зинаида уже минут сорок трепалась с Лёлей по телефону. Случай на планёрке уже обсудили, Лёля охала, вздыхала и изредка вскрикивала: «Да ты что говоришь-то?!», а кошка там, в ветполиклинике всё не унималась.

– Господи, Лёля, ну что вы там с этой кошкой делаете? Что же она так орёт? Ни черта же не слышно! – взмолилась, наконец, Зиночка.

– Лечим, – коротко бросила Лёля, – Я перезвоню. Шашкин пришёл...

Шашкин Николай Анатольевич – главврач ветеринарной городской поликлиники страдал от жадности. Он бы многое отдал, чтобы его от этой жадности избавили. Может быть, он даже купил бы каких-нибудь таблеток от жадности, главное, чтобы их было много. Хотя, это вряд ли. Жадность мучила Шашкина, а Шашкин мучил всех докторов клиники, не давая им класть сахар в чай по вкусу, набирать лекарство в шприцы в нужном количестве и получать зарплату в полном объёме. Шашкин жлобился.

Шашкин любил Зиночку, ведь она совершенно бесплатно приносила в клинику «Газету» с телепрограммой на всю неделю. Два пятьдесят чистой экономии. Зиночку Шашкин любил, но не любил, когда Лёля говорила с ней по телефону в рабочее время, ведь тогда Лёля отрывалась от приёма, а это могло урезать кассу на 15—20 рублей, не дай Господи!

Лёля пошла вставлять маленькой болонке под хвост градусник, мурлыкая под нос финскую народную песенку собственного сочинения:

*На курорте Ёлла-Палла
Тетья Эрва отдыхала.
Дядя Эрвин к ней приехал
Стали вместе отдыхать...*

День разгорался. Больные зверьки подтягивались. Касса росла. Шашкин считал деньги. Крупные капли пота покрывали его лоб, шею и могучие волосатые руки.

– Николай Анатольевич, помогите мне, пожалуйста! – позвала шефа Лёля.

Шашкин с сожалением оторвался от бумажек и монеток и вошел в большой кабинет. Разъярённая кошка норовила выцарапать Лёле глаз.

– Подержите её, Николай Анатольевич, я укол поставлю. Совсем она меня замучила. Только осторожнее, совершенно дикая...

– Ничего, еще не таких быков в куриные кубики «Кнорр» загоняли, – пробасил Шашкин и прижал к железному столу зверушку. Животных Шашкин особо не любил, но очень уважал, как источник трудовых доходов.

Зазвонил телефон. Звонила жена Шашкина:

– Коля, пришли сантехники, кран починили. Сейчас проверяют бачок в туалете. Просят пятьдесят рублей. Давать?

– Ни в коем случае! – страшно закричал в трубку Шашкин, – Я немедленно выезжаю! – И стремительно вышел. Возникла пауза – ни зверушек, ни начальства, и Лёля позвонила в «Газету» Зине:

– Зинуля? Ушёл Шашкин. Вы сейчас чем занимаетесь?

– Почту разбираем с Тёмой и Лидой. Лёля, это просто шедеврально! – кипятилась Зиночка. – Хочешь, зачту?

– Давай, если недолго.

И Зинаида озвучила:

– «Работая на лыжной базе „Березка“, в летнее время нет снега и мы в отпуску с марта по октябрь...» Лёля, я с ума на этой работе сойду, ей-богу!

– Поздно, Зинаида, ты уже! – смеялась в трубку Лёля.

– У меня тут еще масса подобных перлов. Так ты зайдешь? – просительно протянула Зина.

– Нет, вряд ли. У нашего шефа сегодня критические дни, так что работать надо будет до упора, а потом настроение точно будет испорчено после церемонии вручения. Завтра созвонимся, ладно?

– Ладно. Я тебя очень люблю, Лёля.

– И я тебя, Зина. Пока.

«Критическими днями» в ветполиклинике называли дни зарплаты. В эти дни Шашкин был раздражён, зол и подавлен. Ему было страшно жаль расставаться с деньгами, заработанными ветврачами за неделю. Но деньги раздавать приходилось. Сердце Шашкина обрывалось, ладони липко потели. Он знал, что в эту ночь точно не уснёт.

В поликлинику вошла женщина. Без собаки, без кошки, без обезьяны и даже без канареечки. Это несколько настораживало. Лицо её было вроде бы знакомо Лёле. Женщина сняла большую лохматую шапку и под ней обнаружилась Алёна Семёновна Дружкова, местный скульптор, художница Дворца культуры.

– Здравствуйте, Алёна Семёновна, – искренне обрадовалась Лёля, – Вы неважно себя чувствуете?

– Да нет, Лёленька, спасибо, вроде всё нормально. Меня беспокоит Герда...

Герда, любимая спаниэлька Алёны Семёновны, была «дамой в годах», как и её хозяйка. Недавно Герде минуло десять лет. В поликлинике скульптор с собакой появлялись нечасто, но с доктором Лёлей дружили семьями.

– Лёленька, что-то Герда в последнее время чудит, – полушёпотом загадочно произнесла женщина-скульптор. – Она усыновила кусочек наждачной бумаги! Она холит его, лелеет. По утрам даже на прогулку выходить перестала! Носится с бумажкой своей, как с дитём малым, уже третью неделю и никого, даже меня, к ней не подпускает! Это нормально?

«А что в этой жизни нормально?», – подумала Лёля, но вслух сказала:

– Это нормально, но хорошо бы, конечно, её обследовать. Возможно, нарушения или воспаление матки. Приведите Герду ко мне, Алёна Семёновна, я её осмотрю.

– Ой, спасибо, Лёля! Обязательно приведу! – И таинственно: – А вы у нас во Дворце давно были? – Алёна Семёновна явно хотела что-то выведать.

– Давно уж. Но с Зинаидой сегодня по телефону говорила. Война у вас там...

– Ой, Лёленька, и не говорите, просто беда какая-то! Не понимаю я шефа нашего. Добрый ведь, мудрый, гениальный человек, а вот поди ж ты... Пятнадцать лет знаю его, и вот в первый раз не понимаю. Где он эту пустышку нашел? Она ж не человек, а дерево! Как мой внук говорит: «Дуб осинковый, сделанный из берёзы». Лиду жалко, заели совсем..., – разговорилась Дружкова.

– А вы в обиду друг друга не давайте, глядишь, всё и нормализуется!

– Нормализуется, как же. Пока эту занозу мы не удалим, воспалительный процесс не прекратится, – Алёна Семёновна была явным эрудитом. – Так я Гердочку на днях приведу, Лёленька?

– Да-да, конечно. Всего доброго, Алёна Семёновна.

– До свидания. И еще... Вы хорошо выглядите, Лёля! – Дружкова любила Лёлю.
«Хорошо... Причесаться надо. Губы, что ли подкрасить?..» – Лёля повертелась у зеркала, и на память пришли Зиновкины стишки и туманный образ Шашкина:

*Все в этом мире относительно.
Я думаю, и люди тоже.
Вот я так просто восхитительна
Напротив этой мерзкой рожки.*

Лёля была доброй женщиной, но сегодня в клинике день был критическим.

3

На фоне апокалипсического конфликта, что сотрясал здание Дворца культуры, как вулкан Везувий в свои лучшие годы, более скрытый или, как любил выражаться Тёма, перманентный конфликт между самим Тёмой, Зиной и Зинаидой Ивановной, был менее заметен, но не менее важен. Конфликт этот был несколько странен. Зиночка и Тёма все также любили друг друга, причём Зиночка любила Тёму именно за молодость, а Тёма Зиночку – за ситуацию. Зинаида Ивановна же гнобила Тёму почему зря.

Изнутри их конфликт выглядел очень жарким и напряжённым. При каждой их встрече воздух трещал от избытка электричества, как из электрощитка с надписью: «Не влезай – убьёт!», куда кто-то все-таки залез, и его убило. От их слов неслись искры. Трещали по швам тонкие нематериальные сущности. В воздухе пахло свежестью, что физики объясняют наличием O^3 , (а в народе – озона).

Со стороны конфликтующих в адрес противника неслись тонкие по закамуфлированности, но страшные по содержанию оскорбления.

– Тёмочка, – сладко заговаривала Зинаида Ивановна, – тебе не кажется, что для своего возраста... ты слишком много на себя берёшь? – заканчивала она очередную колкость. Но то, что фраза её заканчивалась, не значило, что Зиночка расслаблялась и отправлялась почивать на лаврах. Нет, зная за Тёмочкой особенность отвечать быстро и, главное, разить безошибочно, также его любовь оставлять последнее слово за собой, она заранее просчитывала варианты его ответа и возможный исход этого сражения.

– Конечно, кажется, – начинал Тёмочка, – но я-то хотя бы могу возрастом оправдать свои глупости, – делал он паузу, – в отличие от вас, Зиночка.

– Вот что мне лично, Артём, в тебе всегда нравилось, так это нездешнее, просто какое-то нереальное уважение к старшим. Ты этому где учился?

– Спасибо, Зиночка. Не могу не ответить любезностью. «Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку». Как Вы уже очень точно подметили своим уже не таким молодым глазом, как раньше, у меня врождённое чувство такта и уважения к старшим. Я, конечно, Зиночка, не вправе давать Вам советы, но позволю себе обратить ваше внимание на это полотно, – И всем своим сияющим от того, что озвучил очередную гадость, видом Тёма указывал на картину, висящую над столом Зиночки и собственноручно Тёмой и сделанную. Сделанную и подаренную. На этом жутком во всех смыслах полотне, изображающем шестнадцать одинаковых монахинь, с обратной стороны было написано: «Ксерокс, картон, скотч» и название: «Пора подумать о душе». Это был козырной туз в руках Тёмы. Когда ему не хватало слов или не приходило сразу остроумного ответа в голову, он всегда использовал картину, как последнее средство.

«Смею Вам, Зиночка, заметить...» или «Позвольте с Вами не согласиться...», – начинал он. Изысканное выражение это всегда заканчивалось одним: «...но я бы, будь я на Вашем месте, начал бы уже задумываться о душе».

Зиночка тоже имела на это заготовку:

– Ты не можешь! – говорила она тоном, будто уличила Тёму в нечестной игре, использовании допинга и применении запрещенного приема. Обычно, если словесная битва могучих интеллектуалов «Утра» заканчивалась этими словами, обеим сторонам засчитывали техническую ничью.

Наблюдать же за схватками собиралось все «Утро» и часть театралов. Иногда аудитория раздражалась бурными аплодисментами, иногда же, что бывало гораздо чаще, залившимся смехом. В любом случае, участники выходили ближе к рампе и кланялись. Но так как все находились на работе, то и схватки происходили в рабочем ритме. Люди входили и выходили

дили, сами участники прерывались иногда, а если встречались в коридоре, перебрасывались отдельными фразами.

Если выигрывал Тёма, Зиночка говорила:

– Я тебе это припомню.

На что Тёма добивал лежащую:

– Вы, наверное, таблетки для памяти принимаете? Конечно, в Вашем возрасте это естественно. Вам же сейчас, кажется, тридцать девять уже, да?

– Эх... – говорила Зиночка и качала головой.

Ежели же в перепалке вперёд выходила Зинаида Ивановна (именно что не Зиночка, а Зинаида Ивановна), она добивала противника тоньше и умнее – она с женским (полным ещё и материнской любви) сердцем – всё ему прощала.

От небесного света, исходившего от неё в этот момент, Тёма плевался, закрывался, но не мог убежать, и таял, как какая-нибудь частица сахара от воды или снеговик по весне. Он ещё мог скривиться и сказать, что это всё «ужасно пошло», но ему уже никто не верил, и на счёт Зинаиды Ивановны поступали соответствующие баллы.

И только сторонний наблюдатель, не участвовавший в жизни Дворца, мог сказать, что Зиночка и Тёма ругались как уже много лет прожившие в добром браке супруги.

4

У Лиды отвалился каблук. Он коварно отлетел в самое неподходящее для этого время, когда Лида, так и не успев заехать домой, мчалась прямо с работы на ужин к Сергею. Вот уже двадцать минут Лида сидела в прокуренном грязном вагончике, гордо именуемом «Мастерская. Срочный ремонт обуви», грызла ногти и переживала. «Он, наверное, думает: „Вот какая неконкретная. Вернее, непунктуальная. Прийти-то вовремя не может“. Волнуется, наверное. Оно, конечно, женщине положено опаздывать на свидание, но не на час же. И ужин, небось, стынет. Интересно, он что приготовил?»

Лицо кавказской национальности стучало молотком по сапожкам Лиды, бросая томные взгляды на белокурую, босую красавицу. Взгляды красноречивые, говорящие о многом. Хотя взгляды эти отнюдь не помешали «лицу» содрать с неё сорок целковых. С сожалением Лида подала сапожных дел мастеру 50 рублей и с удовольствием взяла 10 рублей сдачи.

– Лучше, чэм новие будут бэгать! – гордо произнес кавказец.

– А гарантийный срок есть? – Лида была девушкой практичной, несмотря на страшную спешку.

– Для вас – всю жизнь! – ослабил сапожник.

– Спасибо. До свидания.

– До новых встреч! – Ответ мастера настораживал, но Лиде было абсолютно некогда, и через пять минут она уже сговаривалась о цене с хмурым таксистом, упорно не желавшим сбавлять ни червонца! Ехали ещё минут двадцать, и Лида чувствовала, что сердце её стучит всё сильнее, а в животе образуется большой кусок льда. Лида очень волновалась.

Микрорайон «Восточный», где проживал и Серёжа, и жила сама Лидочка, строили сумасшедшие. Дома стояли, как попало, нумерация на них вырисовывалась совершенно беспорядочно, а названия улиц говорили о том, что жили здесь люди, во многом похожие на тех, кто дома эти строил: «Энтузиастов», «Альтруистов», «Оптимистов» и пр., и пр. Создавалось впечатление, что какой-то огромный малыш разбросал кубики, а потом пришли маленькие люди, поселились в кубиках и дали им названия и номера. Так, наобум. Сергей имел прописку по адресу улица Альтруистов, 108—51.

Запахавшаяся Лида кулачком постучала в дверь, потом заметила кнопку звонка и робко позвонила. Дверь открылась. На пороге стоял Сергей в ослепительно белой рубашке и ситцевом застиранном фартучке в жёлтый горошек.

– Лидочка! Как я рад! Проходите, пожалуйста. А я курицу с лимоном запекаю. Вы едите курицу?

– Ем, – лаконично ответила Лида и вдруг почувствовала острый голод. – Простите, Серёжа, я задержалась на работе. Столько дел...

– Что вы, Лидочка! Я готов ждать вас сколько нужно! Хоть всю жизнь... Что же вы стоите? Идёмте в комнату, – И повёл гостью осматривать квартиру.

Квартирка была небольшой, что Лиду несколько озадачило, но очень милой, чему Лида несказанно обрадовалась. Квартирка была из разряда тех, где всё – как дома. У окна стоял маленький изящный столик, сервированный на двоих. Горели свечи.

Лида отправилась в ванную мыть руки, на ходу бросая взгляды на своё отражение в зеркалах, коих имелось в квартирке в неограниченном количестве. «Я хорошо выгляжу. Загадочная такая вся», – констатировала она. Потом была ещё обычная суэта – ложечки-тарелочки, вилочки-ножи, «Вина? Шампанского?», салфеточки-солоночки и, наконец, первый тост:

– Много я в этой жизни повидал за свои тридцать пять, – начал Сергей, – был во многих странах, встречался с разными людьми. И сегодня я хочу поднять бокал за самую прекрасную женщину, встреченную мной за всю мою жизнь. За вас, Лидочка!

– Спасибо, Серёжа, мне очень лестно. Вы такой милый... – Лида расчувствовалась.

Выпили. Стали есть курицу. Она оказалась очень вкусной, тем более, что Лида сегодня трудилась без обеда.

Лида ела и слушала. Сергей говорил. Говорить Сергей мог долго. Казалось, если его не остановить, сам он не остановится никогда.

– Так вот этот Андрей пил со страшной силой, всё на гитаре играл в переходах. И вдруг встречаю его как-то на улице, а он в жёлтом длинном одеянии, лысый, но с косичкой на затылке. В руках бубен и распевает с такими же ряжеными: «Харе Кришна! Харе Рама!». Ну, думаю, очередной бзик у Андрюхи. Так ведь нет! Потерялся, вроде, из виду на целый год и вдруг опять всплывает! На «мерсе» с личным водителем, деньги карманы оттопыривают. Ему, видите ли, по рангу ихнему, кришнаитскому уже такое полагается. Этаким новым кришнаитским русским. К себе звал, типа, через год будешь, как я, на «мерсе» разъезжать. Так я не пошёл. Подумал, мне оно надо? Я человек свободный. Я должен находиться в свободном полёте. Правда, Лидочка?

– Угу, – пробубнила Лида. Рот её был занят вкуснейшим мясом курицы с привкусом лимона и чернослива.

– И потом, я ведь нахожусь всё время в поиске. В поиске женщины. Женщины «своего ребра».

Лида с трудом проглотила не совсем прожёванный кусок курицы и насторожилась. После таких слов должно было последовать что-то серьёзное. Лида не знала что, но чувствовала, что что-то последовать должно. И не ошиблась. Сергей тихо сказал:

– Лида, мне кажется, что я её уже нашел. Я нашел Вас... Вы, наверное, думаете, что я осёл?..

– Не знаю... Ой, нет! Нет, ну что вы! Вовсе нет! Ну, Серёжа, я не знаю, что сказать... Мы ещё так мало знаем друг друга. Но Вы очень, очень милый... – Лида вдруг растерялась, заговорила невпопад. И вдруг подумала: «Интересно, сколько вино это стоит?»

Потом Серёжа рассказывал о друге-ювелире, о друге-издателе, о друге-актёре, о друге-предпринимателе и ещё многих-многих друзьях. Лида ела. Потом устала есть и вдруг заметила, что совсем не слушает Сергея. «Интересно, он что, так может бесконечно говорить?»

– Давайте потанцуем, Серёжа, – неожиданно для себя самой предложила Лида.

– Что?.. Я заговорил Вас совсем, милая Лидочка! Конечно, давайте танцевать! – и включил музыку.

Оказалось, что и в танцах Сергей – мастер, но Лида-то тоже не лыком шита, чай, не зря заканчивала она хореографическое отделение местного училища культуры у самого Дамбровского, полупомешанного мастера танца, очень похожего на Пьера Ришара внешним видом и даже манерами.

Танцевалось хорошо, но Лида ждала более конкретных знаков внимания.

Потом пили вино и разговаривали. Вернее, говорил снова Сергей, а Лида согласно кивала. Иногда ей удавалось вставить что-то вроде «Да что Вы!» или «Невероятно!», но потом и это вставить стало некуда. И вдруг Сергей предложил:

– А давайте, Лида, перейдем «на ты»!

– Конечно, давайте! Вернее, давай, – Лида была рада возможности сказать хоть что-то.

– Лида, ты такая чудесная! Я просто в восторге! С тобой так интересно! – восклицал Серёжа и говорил, говорил, говорил...

И Лида почувствовала, что смертельно устала. Нет, ей было очень приятно общество Сергея, но усталость за день и вино, и эти бесконечные, хотя и очень интересные, содержательные рассказы... Лида устала.

– Знаешь, Серёжа, а ведь мне пора. Завтра на работу рано. Я пойду...

– Как? Но ведь ещё... – Сергей бросил взгляд на часы. – Ах, уже половина второго! Я провожу тебя, ладно?

– Конечно.

В прихожей потолкались, разыскивая сумки, ключи, перчатки, варежки.

– Всё было так мило, Серёженька, ты такой гостеприимный и внимательный, – Лида боролась со сном.

– Ты же придёшь ко мне ещё в гости, Лидочка? – Серёжа заглядывал Лиде глубоко в глаза.

Шли, спотыкаясь, по тёмным закоулкам. Серёжа держал Лиду за руку и что-то говорил о звёздах. Иногда он нежно пожимал Лидину руку, и Лида сонно сжимала ладонь Серёжи в ответ. У подъезда дома Лиды по улице Оптимистов, 79, стали прощаться.

– Это самый чудесный вечер в моей жизни! – восторженно говорил Сергей

– Да, было очень хорошо, – подавляла зевком Лида. – Спасибо тебе, Серёжа, за такой уютный, интересный вечер. До свидания.

Серёжа вдруг как-то не очень решительно обнял Лиду и поцеловал куда-то между ухом и носом. Лида проснулась и поцеловала Серёжу основательно и обстоятельно. Потом ещё недолго целовались и договаривались о встрече завтра у Лиды на работе в редакции.

Шёл домой Сережа и говорил вслух себе, бродячим удивленным собакам, домам-энтузиастам и полной, круглой, как поднос, луне:

– Это – она! Какая женщина! Ах, Лидочка... Какой вечер! Это – она... Я нашёл!

Лида тяжело поднялась на свой пятый этаж и, открывая дверь ключом, тревожно почувствовала подозрительную неустойчивость отремонтированного накануне каблука. Войдя в прихожую, она бросила ключи, сумочку и варежки на полочку под зеркалом и скинула сапожки. Так и есть! Каблук на левом сапоге качался!

5

Пришло утро. Бледное, как студент-ботаник, и неудовлетворённое, как восьмидесятилетняя девственница. У Анны громко заурчало в животе, и она открыла глаза. Её ждал еще один день страшных мучений, лишений и нервотрепки. Анна постилась...

Исключив из рациона мясное, Анна лишилась сна, спокойствия и смысла жизни. Отсутствие же этих трёх компонентов делало её жизнь и работу сущим мучением. Но работать было надо, и Анна с тихой ненавистью к миру, Вселенной и Галактике поплелась в ванную. Тёплый душ её разбудил и усилил аппетит. С трудом справляясь с джунглями на голове, Анна думала: «Господи, кто же всё это выдумал? Как же вот так без мяса столько времени? В конце концов, я с ума сойду...» Потом она ещё немного подумала нецензурно, пригладила двумя руками волосы и тяжело зашагала на кухню. Завтракать.

С отвращением проглатывая овсяную кашу без масла, Анна решила, что жизнь не удалась. Холодильник за спиной уютно кряхтел. Анна физически ощущала в его нутре большие куски розового замороженного мяса – свиного, говяжьего, куриного мяса, божественного вкуса мяса, которое сегодня, как и вчера, есть было нельзя. Пост. «Слово-то какое-то дурацкое. „Пост“. Стоит на посту какая-то сволочь и мясо есть не даёт! Прости, Господи, Иисусе Христе!»

Анна не была яркой христианкой. Более того, она вообще христианкой не была. Анна считала себя буддисткой, носила длинные чётки, читала мантры, разбиралась в благовониях и обязательно подносила первую рюмку водки всем своим богам. Иногда утром она об этом жестоко жалела. Впрочем, она бы и мясо подносила, но мясо сегодня есть было нельзя. Мысль эта верещала в голове сотрудницы «Газеты», как пила «Дружба» и мешала остальным мыслям добросовестно исполнять свои обязанности. Усмирив шевелюру на голове банданкой с ослабившимися черепами, Анна отправилась в редакцию.

В тесном троллейбусе щемились горожане. Кондукторша, с ненавистью глядя пассажирам в глаза, вежливо выпрашивала деньги. Многие давали. Анна закрыла глаза и постаралась сосредоточиться на работе. Получалось плохо. Смятение в мысли вносили возникающие сами по себе где-то в подсознании большие куски бифштекса, цыплята табака и «простые столовские котлеты» за 7—50. Анна отгоняла их, но мясные продукты, как назойливые осенние мухи, всё же витали, летали, кружили и даже, кажется, жужжали.

Новенький охранник на входе во Дворец спросил было у Анны пропуск, но вдруг ссутулился и осунулся под её взглядом.

– Я в «Газету». На работу, – сказала ему Анна басом, и рабочий день начался. Мысли о мясе чуть притупились, но не ушли совсем. Они выжидали момент.

Народ подтягивался. Уже прибежала Лидочка на качающемся каблучке, уже Зина с Тёмой и Арнольдом вернулись из курилки с традиционного ритуального утреннего перекура. Уже пришел даже корреспондент Павлик. Тот, что не фотограф. Он сидел за своим столом, тупо уставившись в книгу, и нервно барабанил пальцами по столу. Незажжённая сигарета «Бонд» свисала с его нижней губы.

Павлик не отличался умом и сообразительностью, хотя тщательно и скрывал это. На людях он напускал на себя угрюмый вид, всем говорил, что от дум о высоком у него бессонница, и периодически впадал в депрессию. Неглубокую. И ненастоящую. Сейчас ему нужно было сдать информацию о вчерашней пресс-конференции в мэрии. Но мысли оставили Павла, работа не шла и он нервничал, напуская на себя загадочный и угрюмый вид.

– Паша, не томи, сдавай информашку. Я газету рисую, – проговорила Зиночка, несколько посолив рану Павла.

– Угу, – ответил он, взял ручку и стал писать, продираясь сквозь шаблоны и штампы. Кто-то мурлыкал себе под нос:

*Труд тяжел у журналиста,
типа, неспециалиста.
И марает журналист
Лист, лист, лист...*

Впорхнула Маруся. Бочком пробралась к столу Зиночки и полушёпотом выдала:

– Эта-то, представляешь, вообще! Хоть бы шефа пожалела, что ли... – И умолкла.

– Маша, что? Что случилось? Кто кого пожалел? О чём ты? Да не томи уже! – Зиночка вдруг отчего-то занервничала.

– Карину сегодня на работу мужик привез. Этот, из университета. Так они ещё минут десять в машине обжимались, а тут шеф подъезжает. Ну и увидел их, бедненький... Она-то хоть бы из машины тогда скорее вышла, так ведь нет! Сидит и с этим своим обнимается на глазах прямо у шефа-то! Представляешь! Так Нипихалин мимо работы – в рюмочную. Остопятидесятиграммился уже. Злой ходит, как собака. На меня уже наорал! – с гордостью закончила Маша.

Так. День обещал быть трудным. Прищури́в глазки, Зиночка почесала рыжую макушку, просчитала ситуацию и громко продекларировала:

– Внимание всем! Осторожно! Бродит шеф – злой и пьяный! Не попадайтесь ему на глаза, а если что – молчите, кивайте и слегка улыбайтесь. Будьте бдительны! Всё. – Зиночка шефа очень жалела. Как жалела всех алкоголиков – знакомых и незнакомых.

Сотрудники внимательно выслушали предупредительные инструкции Зинаиды Ивановны и вернулись к работе.

Надо отметить, что штат «Газеты» был интернациональным. Болгарка Сватка Светкова, страшно хорошенькая, добрая и смешная, дружила с хохлушкой Галей Попко, бывшей тележурналисткой, что ушла с ТВ после того, как в прямом эфире вместо: «Сибирь – край сосен и сопок» выдала: «Сибирь – край сосок и попок». Мужеподобная бурятка Цыцык Вамхалупова была влюблена в страшенькую худенькую кудрявую еврейку Соню Шрайбикус, что творила под псевдонимом Сара Кац. Кац-Шрайбикус отвечала Цыцык взаимностью. Эта живописная, шокирующая парочка всё время где-то уединялась и возвращалась смущённой, пристыженной, но счастливой. Все дружно работали, перебрасываясь изредка шуточками и приколами.

Павлик сдал Зинаиде статейку и вышел. Зина прочла, вздохнула, переписала, поставила резолюцию «В набор» и перешла к объявлениям. «Областная ветеринарная лечебница примет от населения шкурки домашних мышей по цене 20 копеек за штуку». «Господи, а мыши-то им зачем?», – удивилась Зиночка, но промолчала. Объявление принесла Лёля. Значит – надо. Приняли сводку из милиции. Особо радовала фраза: «За прошедшие сутки в городе совершено восемь преступлений. Все из них раскрыты». Словом, работа шла. Где-то внизу сработала пожарная сигнализация. «Анна курит», – подумала Зиночка.

Вдруг вошел Нипихалин. Все умолкли и приняли ангельские выражения лиц. Он сурово обвёл коллектив тяжёлым пьяным взглядом, выпустил клубы дыма через нос, стряхнул пепел на пол и замер, глядя куда-то внутрь себя.

– Станислав Алексеевич, – ласково, как мать заговорила Зинаида Ивановна, – «Колонка редактора» в этом номере будет? Вы что-нибудь написали?

Шеф поймал Зиночку в фокус, глубоко вздохнул, выдохнул, вздохнул опять и медленно и невнятно произнёс:

– Я не готов ответить на этот вопрос... – И после паузы: – Где?

– Вышла, – сразу уловив, о ком и о чём идет речь, ответила Зина. – Да вы присядьте. Небось, придёт сейчас. Кофе хотите? У меня печенье овсяное есть.

Шеф, как телёнок, отрицательно помотал головой и затих. И тут Зиночка почувствовала, что надвигается буря. Вроде и откуда ей быть, но явно пахло нехорошей грозой. Зина настроилась на Тёмину волну, но Тёма что-то писал нетленное рядом и грозových флюидов не выпускал. И тут вошла Лида.

– Кто-нибудь видел Карину? Её нет нигде, а она мне нужна. Она снова не явилась на встречу с телевизионщиками по поводу рекламного ролика. Ой, здравствуйте, Станислав Алексеевич. Видимо, с телевидением тоже самой придется работать. Ну, вот где она, документы же у неё!?

– С кобельеро шляется, – выдохнул Нипихалин. Выдохнул шумно и горько: – Пойду я. Я вам тут ещё нужен?

– Что вы, отдохайте, Станислав Алексеевич! – быстрее, чем положено ответила Зиночка, и редактор было двинулся к двери. Но случилось страшное: появилась Карина Витальевна.

Вошла в новой меховой курточке с мобильным телефоном в руках. Карина никогда не прятала его в карман, ведь это ноу-хау в редакции было только у нее одной!

Глаза шефа побагровели.

– Ты... Это... Почему не находишься на рабочем месте? С кобелями шлешься в рабочее время? Уволю! Выгоню на хрен! Премии лишу... – И, шатаясь, задев плечом сначала шкаф, а потом дверь, вышел.

Карина плохо зарумянилась. Сотрудники зарумянились от удовольствия. Лида надменно-ехидно спросила:

– Ты была на встрече с телевизионщиками?

– Нет, я... по другим делам ходила, – неуверенно ответила Карина Витальевна, перехватывая взгляды сотрудников на новую курточку. – Это никого не касается, куда ходит начальник!

– Так, а ведь начальник как раз давно уже здесь, хоть и несвеж. А вот тебя нету на работе, – подключилась и Зиночка.

Карина открыла было рот, но тут вошла Анна. И Карина Витальевна, повернувшись к ней всем корпусом, решила спасти своё положение и ядовито начала:

– Та-а-к! Рабочее время, а я тебя за компьютером не вижу. Где-то шлешься, а газету в типографию потом поздно сдаём, да? Бездельничаем? Премии лишу!

Анна по привычке втянула голову в плечи, потупила взгляд, но тут мысли о мясе вырвались на свободу, не давая Анне никакого шанса. Её понесло:

– Чего? Да я только в курилку на две минуты спустилась! Да я здесь, как проклятая, работаю день и ночь, а ты еще орёшь на меня! Ты сама-то занимаешься хоть чем-нибудь? По магазинам только и шлешься! – Большой, огромный, как дом, бифштекс застил очи Анны. Всю боль, горечь и тоску по мясу она сейчас завуалировано выдыхала в своем монологе. В порыве Анна сорвала с головы бандану. Волосы оживились, обрадовались, поднялись вверх, как трава, примятая бесстыжими любовниками, и тоже стали возмущаться. Молча. Анна была ужасна и величественна. Сотрудники внимали ей с благоговением.

– Ты замучила всех, – воодушевленно продолжала она. – То меня доставала, то вон Ляльку теперь. Ага, объяви мне выговор, попробуй! И оставь меня, на фиг, в покое... – «я мяса хочу!», – закончила она мысленно и, гордо подняв голову и страшно матерясь про себя, удалилась в ЦУП – «Центр управления полетами», как в редакции называли компьютерный цех. Ей стало невыразимо легче. Мысли о мясе уже не давили так на плечи, а хандра, пусть ненадолго, но отступила.

Это был большой ход в войне против Карины. Это понимали все. Это понимала и сама Карина. Это означало, что «последние грибы встали на дыбы». Редакция удовлетворённо и победно молчала. Карина Витальевна растерянно стояла посреди кабинета, повержено сопела и её больше не радовала ни новая куртка, ни мобильный телефон. Её авторитет, и так отсутствующий, неумолимо катился вниз. Нужны были срочные меры. Карина молча вышла, прошла в свой кабинет, села за стол и крепко задумалась.

– Следующий ход за мной! – вслух произнесла она неуверенно. – Я вам покажу! Базара нет! Вы у меня попляшете!

А в редакции в лучах победы тихо жмурились сотрудники, посылая друг другу многозначительные торжествующие взгляды.

6

Вечером после работы пошли выбирать подарок коллеге – всеобщей любимице, замечательной тётке, завотделом по работе с молодёжью Анфисе Родионовне Борисовой. Ей было что-то под пятьдесят. Неумолимо надвигался её день рождения. Анфису Родионовну в редакции не просто любили, её обожали все. Когда она появлялась в редакции с доброй улыбкой, сияющими молодыми глазами и эмоциональными стильными фразочками, кто-то обязательно радостно вскрикивал:

– Ура! Наша любимая Анфиса Родионовна пришла!

Отправились втроем: Лида, Зина и усталая Лёля – с работы, чтоб развеялась. Пошли в художественный салон. Анфиса Родионовна была большим знатоком едва ли не во всех видах искусства, поэтому подарок выбирать решили ответственно, но оглядываясь на цену. Денег было не жаль, их просто было очень мало.

Долго бродили по салону, рассматривая картины, статуэтки и шкатулки, разглядывая нэцке, «живые картины», сувениры и хрусталь. Уселись на диванчик в углу посоветоваться. Лида, знаток фэн-шуй, предложила:

– Давайте ей черепаху купим. Ручной работы. Вон в том углу статуэтка на дальней витрине. Черепаха символизирует мудрость, доброту и долголетие.

– Не-е! – возмутилась Зиночка. – Эту черепаху я покупать не буду! Вы посмотрите, какая она страшная! Она как будто мстить всей Вселенной собралась за то, что её Бог так изуродовал.

– Слушайте, я очень люблю Анфису Родионовну, но я очень устала. Я работала весь день. Котов кастрировала. Давайте купим ей поднос. Вон тот. Симпатичный, – всхлинула Лёля.

– Он же восемьсот рублей стоит! Нас бухгалтерия расстреляет. Наша невыразимая любовь к Анфисе Родионовне должна выражаться в более скромных суммах, – возразила практичная Лида.

Зиночка оптимистично-энергично поднялась вдруг с диванчика и прошествовала к самой отдалённой витрине. Лёля и Лида тревожно следили за ней взглядом.

– Эврика! – излишне громко вскрикнула Зиночка. Продавцы насторожились. – Давайте подарим ей «музыку ветра»! Она повесит её дома у входной двери, и звон колокольчиков при входе в квартиру каждый раз будет напоминать ей о работе!

– Не дай, Господи, – прошептала Лида, но громко сказала: – А что? Очень даже можно. Ты как думаешь, Лёля?

– Давайте. Устала я. Сегодня шести щенкам уши купировала. Да плюс капельницы почти у всех, да клизма боксёру. Кошмар какой-то. У обезьяны понос, опять же... Давайте «музыку ветра», ага.

Глядя на Зиночку, хотелось воскликнуть: «Живите в радость!», так она была довольна выбором подарка. Да и вообще всем вокруг. Лида заплатила, подарок упаковали, взяли счёт и вышли на улицу. Уже смеркалось. Казалось, что кто-то накрыл город давно нестиранным тюлем.

– Надо бы открыточку еще. Для полноты ощущений, – хмуро произнесла Лёля. – Без открыточки-то подарочек куцый получается, не правда ли?

– Точно! Прикольную какую-нибудь. В стиле Анфисы Родионовны, – оживилась Зиночка. – Пойдемте в «Роспечать».

У киоска долго толкались, спорили, тыкали пальчиками в витрину. Выбрали. На открытке рабочие времён счастливого застоя в касках воодушевлённо несли красные

флаги и транспаранты с чувством глубокого удовлетворения на лице. Алая надпись гласила: «Всё прогрессивное человечество празднует твой день рождения!»

– Ей точно понравится! – радовалась Лида, – Она же тоже немножко сумасшедшая!

– Это твоё «тоже» наводит на определённые рассуждения, Лида, – хмуро произнесла Лёля.

– Ты явно не в духе. Тебя что, ещё не выпустили из сумасшедшего дома? Так ты попросись, – пыталась Лида шутить.

– Не смешно, – буркнула Лёля и устало смолкла.

– Домой поезжай, Лёлечка, – заботливо сказала Зина. – Отдохни. И завтра сама всех своими шуточками завалишь. Песен попой, собачкам уши почисть, когти подстриги – и полегчает. Ладно, девочки, побежала я на остановку. Поздно уже. Пока, – И, цокая каблучками по щербатому асфальту и глядясь во все витрины сразу, Зина пошагала к остановке.

Совсем стемнело. Зина очень торопилась. На остановке её должен был ждать Тёма. Давно. Уже даже пейджер не посылал то тревожных, то угрожающих, то безнадёжных сообщений от Тёмы. Зиночка опаздывала часа на полтора.

Тёма стоял на остановке. Ждал троллейбуса. Ждать Зиночку было уже бессмысленно. Представитель общественного транспорта всё не шёл. Тёма поднял глаза: над тумбой висела большая белая луна. Полнолуние. И тут подбежала Зиночка.

– Я задержалась немного, извини. Но я очень, очень торопилась, Тёмочка! – виновато улыбаясь, начала было Зина, но Тёма закончить извинительную речь ей не дал.

– Что вы, что вы, Зиночка! В вашем возрасте уже вредно быстро бегать. Я же всё понимаю.

– Ты не можешь! – нахмурилась Зинаида Ивановна.

– Я могу. Я такой, – улыбнулся Тёма. – Идёмте уже.

Зиночка взяла Тёму под левую руку (она ужасно не любила ходить справа от Тёмы, всегда просила его перевесить сумку на правое плечо, дабы она не била обоих ниже спины и не мешала сближению в движении, на что Тёма шутил: «Вы, Зиночка, прирождённая жена офицера, ведь ему правая рука нужна, чтобы честь отдавать, а уж левая – Ваша»), и они отправились гулять.

– Мы же, Тёма, ходили подарок Анфисе Родионовне покупать с Лидой и Лёлей. Купили «Музыку ветра» ей! И открыточку забойную. Вот она, – И протянула открытку.

– Бедная женщина, – вздохнул Тёма.

– Анфиса Родионовна?

– И она тоже. А продавцы милицию или «Скорую» не пытались вызвать, пообщавшись с вашей троицей?

– Ну, перестань! Ты просто жалеешь, что тебя с нами не было. Ведь правда? – с надеждой спросила Зина.

– Да уж теперь, конечно, всё, что ни прожито – прожито зря. Не попал на такое событие – шокировать продавцов в компании с тремя сумасшедшими дамами бальзаковского возраста. Прямо, жизнь не удалась. Ни пробку не покупал, ни «Музыку ветра». Паря, беда... – помогая Зиночке перебраться через канаву, проговорил Тёма.

– Какую пробку, доктор, мы же про подарок говорили? Вроде совсем юный мальчик, а уже и маразм, и склероз. Вот она, молодёжь нынешняя. Пробки, Тёмочка, не было! Была открытка и подарок. И всё. Не было пробки.

– Была, была, – задумчиво произнес Артём, – Я вам ещё не рассказывал эту историю, как мама пробку для ванны покупала в магазине? Да что Вы! О, это очень печальная история...

Как Тёмина мама ходила в магазин (непридуманная история)

В «Детском мире» было пусто. Здесь всегда было пусто с тех пор, как вместо игрушек стали продавать продукты питания, одежду и сантехнику. В самом дальнем углу продавали не один год уже засиживаемый мухами хрусталь. Причём, засиживали хрусталь, видимо, одни и те же мухи. Из поколения в поколение.

Даже, когда дверь отворялась и входили покупатели, продавцы не двигались. Здесь было тихо и прохладно, как в церкви (только не пахло ладаном) или морге. Покупатели, сбитые торжественной тишиной с толку, сначала приостанавливались, а затем (взяв себя в руки), начинали движение, полное грации и достоинства. Они держали себя на высоте и, горделиво задрав подбородок, шествовали мимо продуктов питания, сонной продавщицы за кассой, одежды, парфюмерии, одежды, хрусталя, еще парфюмерии и сантехники. В центре стояла мебель.

Продавцы и покупатели в этом магазине были кем угодно, только не продавцами и покупателями. Со стороны можно было подумать, что на улицах Флоренции XVII века встретились достойнейший житель города, торговец восточными пряностями и никак не меньше, чем бургомистр. Никто не произносил ни слова. Не дай Бог, вас угораздило возжелать что-нибудь из представленного на витрине. Если вы нарушали ритуал, и, обойдя по кругу, вдруг теряли достоинство и интересовались прищепкой какой – вас обливали презрением. Вы были оплётаны. Вы были неудачником. Поэтому все покупатели, сделав круг почёта и не разглядев толком лампочек, лежащих на витрине у самого входа, уносились в гарь, слизь, пот, жар, солнце, ветер и траву. То есть, в жизнь. Оставляя это сонное мёртвое царство в его вечном забвении.

Но бывают такие дни, когда с утра всё не так. У продавщицы сантехники Наташи сегодня был именно такой день. Сначала двое сумасшедших требовали показать одиноко стоящий унитаз. Он так давно красовался на витрине, что покрылся порядочным слоем пыли. Он был серым и матовым. Эти двое решили, что это его настоящий цвет. Наташе пришлось оторваться от созерцания трещины в полу и протереть унитаз. Сумасшедшие расстроились и ушли. Зато унитаз сверкал, как новый. Светка-змея из парфюмерии демонстративно надела тёмные очки. Баба Даша-уборщица предложила его, окаянного, тряпкой прикрыть.

В обед у Наташи случилось головокружение. Ей пришлось сидеть рядом со Светкой. Та получила вчера новую партию товара и благоухала сразу тремя новыми запахами. В любом случае, если не запахом, то завистливыми мыслями Светка отвлекала Наташу от обеда.

Ожидание худшего к концу дня преследовало Наташу с утра. Худшее случилось. Дверь отворилась, и вошла приличная с виду женщина. «Именно таких и стоит остерегаться», – вспомнила Наташа слова мамы – продавщицы с 40-летним стажем в отделе «Сантехника» магазина «1.000 мелочей». Женщина сразу направилась к сантехнике, чем ввергла в изумление всех, кроме Наташи. Светка даже высунулась из-за прилавка, чтобы получше разглядеть женщину. Та, казалось, не замечала, что привлекает к себе столько внимания. Наташа внутренне приготовилась.

– Скажите, у вас пробки для ванн есть?

Вот оно, началось.

– Да, вот за двадцать рублей. Пластмассовая.

Наташа выложила пробку. Небольшую, чёрную, аккуратную пробку. Наташа внутренне испытывала к ней нежную любовь.

– Какая-то она у вас семимесячная.

– Что? – оторопела Наташа. – Стандартная пробка для наших ванн, – добавила она тоном, который явно указывал женщине её место на социальной лестнице в целом и Наташино к ней отношение в частности. Если бы у покупательницы был голос разума, тогда бы... У покупательницы голоса не было, и она ему поэтому не внемла.

– Если вам эта не нравится, – сказала Наташа ещё более холодным тоном, обливая женщину ещё большим презрением, – есть другие, за сорок.

Наташа выложила на прилавок серую резиновую пробку. С виду пробка была неказиста, и потому Наташа испытывала к ней ещё большую любовь, чем к пластмассовой.

– Она же у вас деформированная, – сказала грубая, нечуткая покупательница.

И тут Наташу прорвало. «Все эти годы! Да что они понимают! Да как они смеют! Будьте вы прокляты – покупатели!» – кричала внутри себя Наташа. А внешне? Внешне она ничем не выдала бушевавший в ней пожар. Она собралась и сказала одно слово, в которое вложила все свои чувства:

– Присосётся!

«Всё! – думала Наташа, – Я её уделала!»

– Куда? – поинтересовалась покупательница.

Наташу поразил столбняк...

– Вот такая история, – сказал Тёма.

– Так мама купила пробку? – заботливо спросила Зина.

– Да, ту маленькую.

– Она подошла?

– Нет, но мы её тряпочкой обернули.

– Да-а... Холодно как, – сказала Зиночка и теснее прижалась к Тёме, – замерзла я совсем. Какой-то март в этом году холодный. Правда?

– Правда, – улыбнулся Тёма, – А Вы почему так легко одеваетесь, если холодно? Под курточку свитерок или душегреечку какую надевать не пробовали? Ну, валенки, ватничек, ушаночку?

– Но днём же тепло, а я не рассчитывала на ночную прогулку с молодым человеком. Который, кстати, мог бы предложить даме свой макинтош.

– А он Вас не скомпрометирует? – Тёма носил пальто из кожзаменителя. Носил его много лет, пальто осыпалось, как осеннее деревце, образуя на плечах и спине Тёмы сиротливые куцые светлые пятна. Тёма любил своё пальто, а Зиночка частенько говаривала на это: «Ты, конечно, имеешь право ходить в чём угодно, хоть нагишом, но мне очень не нравится дерматин твоего кожаного пальта!»

– Да уж больше, чем прогулкой с тобой по ночному городу, скомпрометировать себя невозможно. Так что, гони «пинджак»! – И, обрядившись в Тёмину одежду, Зина стала похожа на слегка опустившуюся Анку-пулемётчицу. – Тём, проводи меня домой. Поздно уже совсем. Там мама волнуется, дети, небось, спать уже легли. И животных, скорее всего, никто не кормил и не выгуливал. А я тут разгуливаю с тобой.

– Пойдёмте уже, заботливая Вы наша. Вот повезло-то детишкам с мамой. Добрая, внимательная, ни минуты нигде не задержится – скорее к деткам своим спешит, к ним родимым, – ёжился на ветру Тёма.

– Ты не можешь! – Зина отвесила Тёме лёгкий подзатыльник, и они зашагали к её дому.

7

В отличие от импульсивной, противоречивой и вечно спешащей кокетки Зиночки, Лёля с её жизнью проистекала, подчиняясь процессу сообразно представляемой Лёлей же реальности. Ей уже, в принципе, было наплевать на светские страсти, она была обуреваема метаниями духовными. Перепробовав на вкус добрый десяток вероисповеданий, учений, течений и прочих догм, теперь, кажется, уже точно, почти наверняка, Лёля отдалась одному из классических учений Древнего Востока, подкрепляемого приездами Больших Учителей, лекциями и разного рода сакральными ритуалами.

Теперь Лёля почти не страдала, ведь, ежели кто заболел, она констатировала:

– Очищение.

А ежели чего терялось или уворовывалось карманниками, Лёля спокойно изрекала:

– Подношение.

Периодически «эго» всё же брало верх, и Лёля впадала в невидимую истерику и цитировала четверостишие своей знакомой по имени Пятка:

*Я сижу, обняв колени, на кровати
И таращусь в мрачный лик седой ночи.
Думаю: «О, Боже! Хватит, хватит!
Почему все мужики такие сволочи!»*

Кстати, в многочисленные проявления Лёлиной индивидуальности входило и умение смеяться беззвучно и до слёз, закодированное под названием «культурный смех».

Хотя в последние годы брал своё осёдлый образ жизни, и уже отходили на второй (а порой, на второй после седьмого) план хиппанские переезды по России-матушке и ритуальная атмосфера пьяных провинциальных рок-тусовок. Нет, в отличие от Зиночки, алкоголь Лёля не любила, а с ганджабасом пришлось расстаться в начале очередной семейной жизни с очередным любимым Лёлиным мужем. (Автор умышленно не называет имени этого хорошо известного молодого учёного, дабы не подвести под удар его репутацию и не тревожить без нужды Лёлину свекровь – замечательную женщину, перенёсшую тяжёлые годы сталинских репрессий, но оставшуюся верной коммунистическим идеалам; члена КПСС с тысяча девятьсот ...надцатого года).

Некоторые там, на Западе могли бы, конечно, упрекнуть простодушную Лёлю в неконформизме и измене каким бы там ни было идеалам (а её разрыв с христианской религией – вообще смертный грех) – кто угодно, но только не Зиночка и не сама Лёля. Ведь они были так похожи! Они и называли-то себя «сиамские близнецы, сросшиеся лицами».

Когда Зина и Лёля встречались, энергетические потоки Вселенной поворачивали вспять. Люди, попавшие под влияние их поля, почти что сходили с ума и на долгое время избавлялись от мучавшей их депрессии, энуреза, камней в почках и даже импотенции. Крыши сносило, чердаки срывало, кукушка надолго покидала своё гнездо, а некоторые обыватели начинали опасаться за исправность доисторической аудиоаппаратуры (пателефончиков, граммафончиков и прочей рухляди). Такое было сильное у них поле.

К чести сказать, это именно Лёля научила Зину определять время по солнцу, а то ведь до их встречи Зинаида «на ём и цифер-то не видела». И вообще, Лёля была умна, интеллигентна, образованна, но, приходя в оперу, в самом кульминационном моменте трагедии могла (захваченная, конечно же, действием и великой музыкой великого композитора), громко изречь в адрес зарвавшегося негодяя: «От сука!!!»

Зина и Лёля... Лёля и Зина... Как свела их жизнь на асфальтированном мосту через речку Иногда? Кому нужен был этот сумасшедший тандем полностью оторванных от реальности тёток? Что объединяло этих двух и Тёму? Почему им было хорошо втроём, и они даже уединялись, чтобы нахохотаться до полусмерти... – по мнению автора, это не имеет никакого значения. Важно то, что, оказываясь вместе на площади менее ста квадратных метров, эти трое взаимопротягивались и превращались в начисто изменённое сознание одного индивида, и несли такую околесицу, что найдись стенограф, готовый записать их бред, а потом издать его, получился бы довольно интересный новомодный роман в духе любимого Тёмой Павича, Лёлей – Кортасара! А Зиночка, по мнению друзей, вообще гений, потому что может подводить резюме и кое-что заносит в свой блокнотик, и ещё читает Болмата, Крусанова и прочих, притаскиваемых Тёмой одарённостей нашего времени.

Что до Лёли, исторические корни её по материнской линии залегали в самой дремучей, посконной глубинке России, а вот фамилия-то её девическая (несмотря на три удачных замужества сохраненная), была того... похожа на польскую, но отдавала знакомой до боли местечковостью. А так нет. Выглядела Лёля как славянка.

Такой Лёлю любили все. Любил её и руководитель Дворца культуры Станислав Алексеевич Нипихалин. Любил за прямоту, открытость, смелость, не боясь говорить ему (самому Нипихалину!) в глаза всю правду-матку. Иногда Лёля её резала, иногда выдавала целым куском.

Однако правил без исключений не бывает, а потому, хоть и любили Лёлю поголовно, одна голова её жутко недолюбливала. Голова Карина. Карина не любила Лёлю именно за то, за что любил Лёлю Нипихалин. Лёля легко и непринуждённо могла задавать вслух вопросы, которые другие задавать боялись. Приходя в гости в «Газету», в присутствии посетителей, рекламодателей и забежавших на чаёк коллег из других газет, Лёля могла вдруг выдать в лоб заглянувшей на минутку в редакционную Карине:

– Пстой, пстой, Карина, я давно хотела тебя спросить, а ты тут, в газете этой, чем занимаешься? – голос Лёли был учтив, и Карина Витальевна обычно покупалась:

– Я, Лёля, заместитель главного редактора этой газеты!

– Ух ты, Господи! – восторгалась Лёля, – Тяжело, небось?

– Базара нет. Но ничего, справляюсь, – потупив взор, скромно отвечала Карина.

– Нет, а в принципе, вот конкретно, ты чем занимаешься? – не отставала Лёля и присутствующие в предвкушении прятали улыбки.

– Ну, осуществляю общее руководство, – терялась Карина Витальевна, чувствуя какое-то смутное беспокойство.

– Ну, это-то понятно, что общее, но один классик говорил, помнится: «Я человек не абстрактный, а конкретный», так ты, конкретно, что делаешь? Ходишь и смотришь, как другие работают что ли? – давила правдолюбивая Лёля.

– Не знаю, руковожу и всё. Лёля, чего ты от меня хочешь? У меня куча дел, – волновалась испуганная Карина, съёживаясь под взглядами уже откровенно смеющихся коллег.

– Ой, извини, Карина, что отрываю тебя от очень важных дел. Просто мне иногда кажется, хотя, конечно, я практически не имею права на своё мнение, ведь я не штатный сотрудник «Газеты», а всего лишь проходящий, простой, скромный ветеринарный врач, так вот мне порой кажется, что ты ни хрена тут не делаешь вовсе! Прости уж за прямоту, и Бог, надеюсь, простит, ибо всемогущ Он! – Эффектно, с низким земным поклоном завершала клоунаду Лёля. И Карина выскакивала из редакции, как ошпаренная, с красным лицом, испуганными, злыми, выпученными глазками под дружный хохот всех присутствующих.

Лёле аплодировали, кричали «бис», целовали щёки, и она убегала к своим зверям, делать им инъекции, промывания и перевязки, надолго оставляя в редакции после себя дурашливое расположение духа у всей конторы.

Как-то свидетелем подобного издевательства над возлюбленной стал и Нипихалин. Был он в состоянии подпития, то есть в своём обычном состоянии, и сцену финальную, когда Карина взвизгнула: «Ты, Лёля, не понимаешь ничего, только работать всем мешаешь!» и выбежала прочь, воспринял, не то чтобы болезненно, а как бы несерьёзно. Вроде прикалывается молодёжь, резвится. И даже криво так, неохотно как бы, рассмеялся. Но под утро, когда разбудило похмелье, скользким спрутом забравшееся в живот, вдруг подумал: «А правда, что моя Карина на работе делает, чем занимается? Интересно, как относится к ней наша молодёжь, ведь они все почти одного возраста. С кем она дружит, с кем кофе пьёт, обедать ходит, когда не со мной? Никогда не обращал внимания на такие мелочи. Вот в „Рюмку“ зайду сегодня и обязательно внимание обращаю, обязательно обращаю, но только после „Рюмки“...» Мысли обрывались, терялись, возобновлялись, спрут ворочался, распуская щупальца самым бессовестным образом, сил бороться с ним совсем не было. Пришлось вставать, искать подтяжки и ехать во Дворец.

И ведь ни Лёля, разыгрывавшая вчера трагикомедию с Кариной в главной роли, ни спрут, отчаянно пытавшийся уже много лет додаться бородатого этого, доброго, но несчастного мужика, ни сам мужик бородатый, звавшийся в народе Нипихалиным Станиславом Алексеевичем, не знали, что любопытство это кому-то очень навредит.

8

В редакции «Газеты» начался форменный конец света. Арнольд загрузил в компьютер Маши игру «Арконоид». По экрану летал шарик и выбивал из кубиков призы-очки. Лучше всех эту игру освоила вторая операторша машинного набора – большая Аля. Аля и вправду была большая и крупная, что не мешало быть ей сексуальной и дюже привлекательной. У нерусских строителей, что занимались отделкой внутри и снаружи Дворца, Аля считалась эталоном.

Вся редакция простаивала за спиной Али часами и наблюдала, как та упорно борется за первое место с какими-то Timugami и Avtomatami. Одна Маша, чей компьютер теперь был всё время занят (потому что, если не играла Аля, то играл кто-нибудь другой), хитро канючила:

– Аля, а ты когда умрёшь?

Аля заливисто хохотала и лёгким движением руки зарабатывала себе на счёт еще сто очков.

Но кончилось всё это, конечно же, плохо. Как-то, задержавшись на любимой работе, Зина три часа подряд проиграла в кубики и шарики. На следующий день она пришла на работу с кругами под глазами, объявила, что не могла уснуть, так как каждый раз, когда она закрывала глаза, то видела шарик и эти... кубики. Потом она расплакалась и сбивчиво прохлюпала, что на самом деле они не кубики. Как не кубики «Магги» и «Кнорр». Все знают, что на самом деле они параллелепипеды (плачущая Зиночка с третьей попытки осилила сложнопроизносимое слово).

Успокаивали Зину всей редакцией и даже позвонили Лёле, дабы та высказала ей сочувствие, соболезнование и поддержку в телефонном монологе (который, конечно же закончился традиционной фразочкой: «Я люблю тебя, Зина», а это действовало безотказно). Зиночка после звонка Лёле несколько подуспокоилась и играть в эту чёртову игру на работе запретила.

– Мне нужны психически здоровые сотрудники, – тяжело вздохнув, сказала она.

Все поохали, поохали и разбрелись по рабочим местам. Слегка подкрасив реснички и припудрив нос, Зиночка уселась за свой рабочий стол, достала макеты и стала рисовать следующий номер, одновременно редактируя тексты.

А текстов было много. Принесла Цыцк горячую новость: «Вчера на территории Поползаевского пищекомбината состоялась встреча руководства с губернатором области. Было принято решение переоборудовать помещение птицефабрики под свиноферму. Вот так дальновидный руководитель опроверг народную мудрость: «Гусь свинье не товарищ». Называлась заметка «Через тернии – к свиньям».

«Господи, что же это делается?...» – печально думала Зиночка, считая строки и размечая колонки. Принесла информашку и романтичная Сватка: «В 19.. году состоялось массовое переселение из села Бубуево в село Перелыкино. Мужики собирались кучками и уходили в ночь...». Но потрясла Зину Соня Шрайбикус. В её статье про запивающуюся деревню звучало: «Пьяные женщины ходят, шатаясь, по деревне в распахнутых пальто и незастёгнутых сапогах. Ходят, голяшками трясут...»

– Да что же это такое! – громко произнесла Зинаида Ивановна и покинула возмущённо редакционную комнату. Как-то не шла сегодня работа, не клеилась.

Спустилась в курилку. Там было пусто. «Как хочется в отпуск, – думала невыспавшаяся Зиночка, пуская в потолок струйки сигаретного дыма. – Как хочется не читать этих маразматических заметок, бездарных статей и идиотских опусов. Как хочется просто поваляться на диване до обеда с книжечкой Липскерова или томиком стихов Зиминной. Но надо рабо-

тать, работать, работать... Эти бесконечные объявления, гороскопы, сканворды, интервью и очерки... И реклама, реклама, реклама... Господи, рекламу же не поставила в номер! Где эти чёртовы специалисты по рекламе?!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.